

Дата поступления рукописи в редакцию: 24.07.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-8-687-693

Дата принятия рукописи в печать: 16.08.2026 г.

ЦАРЬКОВА Евгения Геннадьевна,
кандидат физико-математических наук, ведущий
научный сотрудник отдела исследования проблем
социологического обеспечения и прогнозирования
деятельности УИС ФКУ НИИ ФСИН России,
e-mail: university69@mail.ru

ПРАВОВЫЕ СТАНДАРТЫ ВЕРИФИКАЦИИ ОТВЕТОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ДИАЛОГОВЫХ СИСТЕМ ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ КЛИНИК ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ФСИН РОССИИ

Аннотация. Статья посвящена правовым вопросам разработки и применения стандартов верификации ответов интеллектуальных диалоговых систем в деятельности юридических клиник ФСИН России. Актуальность темы обусловлена развитием цифровых технологий в ведомственном юридическом консультировании, расширением практик использования искусственного интеллекта при оказании бесплатной правовой помощи осужденным, их родственникам и сотрудникам уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (УИС), а также повышенными требованиями к правовому обеспечению таких решений в условиях риска для прав заявителей. Интеллектуальные диалоговые системы рассматриваются не только как инструмент автоматизации первичного приема обращений, маршрутизации запросов и поиска нормативных материалов, но и как объект самостоятельного правового регулирования, поскольку их ответы непосредственно влияют на выбор средств защиты права, соблюдение процессуальных сроков и содержание практики консультирования. В работе предлагается система проверяемых стандартов качества ответов диалоговой системы, включающая критерии точности, полноты, актуальности, проверяемости и алгоритмической объяснимости, а также процедурные требования к человеческой верификации, журналированию и аудируемости участия алгоритма. Обосновывается необходимость формирования целостного правового верификационного контура, учитывающего специфику бесплатной юридической помощи в ведомственных клиниках, служебный характер деятельности сотрудников УИС и риски ошибочных или вымышленных ответов больших языковых моделей. Показано, что стандарты проверки качества ответов являются элементом соотношения цифровых средств юридического консультирования, публичной власти и гарантий прав личности при исполнении наказания. Формируемая теоретико-правовая модель стандартизации верификации ответов диалоговых систем может служить основой для дальнейших исследований и разработки специального нормативного акта ФСИН России, закрепляющего правовые стандарты верификации как обязательный элемент функционирования юридических клиник, а не как факультативную техническую рекомендацию.

Ключевые слова: искусственный интеллект, уголовно-исполнительная система Российской Федерации, диалоговая интеллектуальная система, юридическая клиника, бесплатная юридическая помощь, алгоритмическая прозрачность, цифровая трансформация.

TSARKOVA Evgeniya Gennadievna,
candidate of Physical and Mathematical Sciences, Leading
Researcher at the Department of Research on the problems of
sociological support and forecasting of the activities of the Penal
System of the Research Institute of the Federal Penitentiary
Service of Russia

LEGAL STANDARDS FOR RESPONSE VERIFICATION OF INTELLIGENT DIALOGUE SYSTEMS

WHEN USED IN THE ACTIVITIES OF LEGAL CLINICS OF EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF THE FEDERAL PENITENTIARY SERVICE OF RUSSIA

Annotation. The article addresses the legal issues surrounding the development and application of standards for verifying responses generated by intelligent dialogue systems used in the legal clinics of the Federal Penitentiary Service of Russia (FPS of Russia). The relevance of this topic stems from the advancement of digital technologies in departmental legal consulting, the expanding use of artificial intelligence in providing free legal assistance to convicts, their relatives, and employees of the Russian penal system, as well as the heightened requirements for the legal safeguards of such solutions in contexts where applicants' rights are at risk. Intelligent dialogue systems are considered not merely as tools for automating the initial intake of appeals, routing inquiries, and retrieving regulatory materials, but also as subjects of independent legal regulation, since their responses directly affect the choice of legal remedies, compliance with procedural deadlines, and the substance of consulting practice. The work proposes a system of verifiable quality standards for dialogue system responses, encompassing criteria for accuracy, completeness, relevance, verifiability, and algorithmic explainability, along with procedural requirements for human verification, logging, and auditability of algorithmic involvement. It substantiates the need to establish a comprehensive legal verification framework that takes into account the specific nature of free legal aid provided in departmental clinics, the official character of penal system employees' duties, and the risks of erroneous or hallucinated responses from large language models. It is shown that standards for response quality verification constitute an element bridging digital legal consulting tools, public authority, and guarantees of individual rights in the execution of punishment. The resulting theoretical-legal model for standardizing the verification of dialogue system responses can serve as a foundation for further research and for the development of a specialized regulatory act of the FPS of Russia, establishing legal verification standards as a mandatory component of legal clinic operations, rather than as an optional technical recommendation.

Key words: artificial intelligence, Penal System of the Russian Federation, intelligent dialogue system, legal clinic, free legal assistance, algorithmic transparency, digital transformation.

Развитие юридических клиник образовательных организаций ФСИН России в последние годы приобретает особое значение в контексте расширения механизмов бесплатной юридической помощи осужденным, их родственникам, сотрудникам УИС и членам их семей. Ведомственная юридическая клиника выступает сегодня не только формой практико-ориентированной подготовки обучающихся, но и институциональным механизмом частичной компенсации кадровых и организационных ограничений, существующих в системе оказания правовой помощи в пенитенциарной сфере. В данном контексте возрастает интерес к использованию искусственного интеллекта, прежде всего диалоговых интеллектуальных систем, способных автоматизировать первичный прием обращений, предварительную квалификацию вопроса, маршрутизацию заявителя, сбор исходных данных и подбор релевантных нормативных материалов [1, С.64].

Вместе с тем сам факт технологической применимости искусственного интеллекта (ИИ) в юридическом консультировании еще не означает правовой допустимости его автономного использования в условиях пенитенциарной системы.

Если на раннем этапе обсуждения перспектив применения ИИ основной акцент делался на повышении доступности помощи, сокращении времени ответа и стандартизации типовых коммуникаций, то на современном этапе центральной становится иная проблема: каким образом должно быть обеспечено качество и юридическая достоверность ответа, подготовленного интеллектуальной диалоговой системой. Для юридических клиник ФСИН России этот вопрос имеет не вспомогательное, а системообразующее значение, поскольку ошибка в ответе затрагивает не абстрактный информационный сервис, а правовое положение лица, находящегося в условиях институциональной зависимости, ограниченного доступа к альтернативным источникам правовой помощи и часто – ограниченных коммуникативных возможностей [2, С.113].

В связи с вышеизложенным в центре настоящего исследования находится не вопрос о том, допустимо ли использование интеллектуальных диалоговых систем в юридических клиниках ФСИН России вообще, а вопрос о формировании правовых стандартов верификации ответов данных систем как самостоятельного института нормативного регулирования [3, С.329]. Такая поста-

новка проблемы позволяет перейти от описания преимуществ цифровизации к разработке юридически обязательного верификационного контура, способного соединить технологическую эффективность с принципами законности, защиты прав заявителя, алгоритмической прозрачности и распределенной ответственности.

Понятие искусственного интеллекта в настоящем исследовании используется в функционально-правовом значении – как совокупность программно-алгоритмических решений, обеспечивающих обработку запроса на естественном языке, извлечение правовой информации, формирование текста ответа и, в ряде случаев, адаптацию коммуникации к параметрам конкретного обращения [4, С.198]. Однако именно в юридической клинике ФСИН России такая система не может рассматриваться в качестве самостоятельного субъекта консультирования, важно, чтобы она квалифицировалась как инфраструктурный инструмент юридической помощи, правовое значение которого определяется не только функционалом, но и пределами допустимого алгоритмического участия.

Диалоговые интеллектуальные системы способны обеспечить круглосуточность первичного взаимодействия с пользователем, унифицировать прием обращений, сократить долю рутинной нагрузки на обучающихся-клиницистов и преподавателей, а также поддержать единый базовый стандарт информирования вне зависимости от территориального расположения ведомственной образовательной организации [5, С.153]. В работах [6, С.53; 7, С.52; 8, С.47] обосновывается система правовых принципов использования таких систем, включающая субсидиарность алгоритмических решений по отношению к человеческому консультированию, сохранение человеческого участия в критически значимых точках, алгоритмическую прозрачность, информированное согласие, конфиденциальность, распределенную ответственность, предметные ограничения и верифицируемость алгоритмического участия. Наконец, в исследовании институциональных моделей внедрения подчеркивается, что наиболее приемлемыми для ведомственных юридических клиник выступают приемно-навигационная, справочно-поисковая, учебно-симуляционная и гибридная модели, причем обязательным условием их допустимости

признается четкое разграничение функций и человеческая проверка результата [9, С.135].

Вместе с тем при всей теоретической и прикладной значимости указанных положений следует признать, что в них верификация ответа еще не выделена в качестве самостоятельного объекта правового регулирования. Она упоминается как один из принципов либо как техническое условие внедрения, но не как развернутая система стандартов, включающая критерии качества, процедуры проверки, уровни допустимого риска, правила документирования и основания распределения ответственности. При этом именно отсутствие такой системы создает сегодня ключевую правовую неопределенность. Без нее невозможно установить, когда ответ интеллектуальной системы считается юридически приемлемым; какие дефекты ответа должны рассматриваться как недопустимые; кто и в каком объеме отвечает за последствия недостоверной информации; как фиксируется участие алгоритма; в какой момент требуется обязательное вмешательство человека.

Обозначенная проблема усугубляется спецификой юридического консультирования в уголовно-исполнительной сфере. Здесь ошибка диалоговой системы может выражаться не только в общей неточности формулировки, но и в галлюцинациях больших языковых моделей, то есть в формировании внешне правдоподобных, но фактически ложных сведений: вымышленных норм, неверных реквизитов актов, несуществующих судебных позиций, ошибочной квалификации компетентного органа, некорректного исчисления срока обращения, ложного представления о допустимых способах защиты права. В условиях пенитенциарной системы подобные дефекты имеют повышенную социально-правовую опасность, поскольку способны привести к пропуску процессуального срока, неверному выбору адресата жалобы, отказу от эффективного способа защиты либо к фактическому неиспользованию гарантированного законом права [10, С.261]. Стандарт качества ответа в юридической клинике ФСИН России нельзя оценивать по общим категориям удобства для пользователя или вероятностной «полезности» текста. Здесь критическими становятся три параметра: юридическая достоверность содержания, возможность процедурной проверки ответа человеком и уровень допустимого правового риска для заявителя. Если хотя бы один из этих элементов не обеспечен, ответ формально существует, но не может считаться качественным с точки зрения защиты прав. По этой причине распространенная коммерческая модель, когда ИИ-сервис объявляет свои ответы «сугубо справочной информацией», для ведомственной юридической клиники оказы-

вается недостаточной. Формулировка о том, что текст не является юридической консультацией и не заменяет мнение специалиста, действительно снижает гражданско-правовые риски владельца платформы. Однако она не меняет того факта, что человек, получивший такой ответ, ориентируется на него при выборе дальнейших действий. В пенитенциарной сфере этот разрыв между формальной оговоркой и реальным влиянием на поведение особенно заметен. Осужденный или его родственник, обращаясь в юридическую клинику ведомственного вуза, воспринимает ответ системы как указание на допустимую и правомерную линию поведения, а не как нейтральную справку. В такой ситуации ссылка на «информационный характер» текста не обеспечивает необходимого уровня защиты прав, потому что реальная юридическая значимость ответа для заявителя остается высокой, независимо от формулировок отказа от ответственности. Следовательно, правовое регулирование не может ограничиться дисклеймером; оно должно строиться на позитивной обязанности организатора системы обеспечить надлежащую верификацию содержания.

Критический анализ существующих подходов к внедрению чат-ботов в университетских юридических клиниках показывает, что основной массив практических решений сосредоточен на вопросах доступности интерфейса, распределения запросов и технической интеграции, тогда как режим проверки качества ответа, стандарты валидации ссылок, процедуры логирования и механизмы определения ответственного лица остаются либо фрагментарными, либо вовсе неформализованными [12, С.37]. В логике ранее представленных исследований указанный фактор проявляется в том, что преимущества автоматизации и институциональные модели описаны достаточно подробно, но дальнейшее развитие концепции объективно требует построения более сложной нормативной конструкции – стандарта проверки качества как самостоятельного уровня регулирования. Иначе ведомственные образовательные организации оказываются в ситуации выбора между двумя одинаково неэффективными крайностями: либо неконтролируемым использованием ИИ, либо неоправданным отказом от его применения из-за отсутствия доверия к результату.

Важно разграничить стандарты применения системы и стандарты проверки качества ее ответа. Первые определяют, где, для каких задач и в каком организационном режиме может использоваться диалоговая интеллектуальная система. Материальные стандарты верификации отвечают на другой вопрос, чем институциональные модели: при каких условиях конкретный ответ, сгенерирован-

ный системой, можно считать юридически приемлемым для передачи заявителю. Это различие принципиально. Допустимая по своей архитектуре модель работы клиники не гарантирует приемлемости каждого отдельного ответа. Один и тот же программный контур способен в одном случае выдать корректное навигационное сообщение, а в другом – ошибочное разъяснение о способе защиты права. Поэтому верификацию нельзя понимать как разовую стадию внедрения системы. Речь идет о постоянном режиме контроля качества каждого юридически значимого ответа, который система предлагает пользователю.

В центре предлагаемой модели находятся материальные стандарты качества ответа. Их можно описать через шесть критериев: точность, полнота, актуальность, проверяемость, объяснимость и контекстуальная допустимость. Точность означает соответствие ответа действующему нормативному регулированию и фактическим параметрам конкретного запроса. Для юридической клиники ФСИН России это означает не только отсутствие прямых ошибок, но и недопустимость замены специального пенитенциарного регулирования общими рассуждениями, если вопрос касается режима исполнения наказания, порядка подачи жалобы, получения свиданий, применения взысканий, обжалования действий администрации учреждения и других специализированных институтов.

Полнота означает, что ответ охватывает те элементы правовой ситуации, без которых заявитель может принять неверное решение. Если существенные обстоятельства не отражены, формально правильная фраза перестает быть полноценной консультацией. Актуальность требует учета действующей редакции норм и фактического состояния правоприменительной практики, а не опоры на устаревшие формулировки.

Критерий проверяемости означает, что в ответе присутствуют такие элементы, по которым человек может установить источник каждого значимого утверждения: норму, документ, позицию органа, судебное решение. Объяснимость предполагает, что логика вывода представлена в объеме, достаточном для юридической проверки: понятно, из каких предпосылок система пришла к указанному результату. Контекстуальная допустимость означает, что ответ не выходит за пределы функций данного контура системы и не подменяет собой тот уровень индивидуализированного анализа, который допустим только при участии человека – студента-клинициста или куратора.

Критерий проверяемости занимает в этой системе особое место. Именно он переводит обсуждение качества из плоскости общего доверия

к технологии в плоскость юридического контроля: пока нельзя проверить, на чем основан ответ, его формальная корректность не дает достаточной гарантии для реальной защиты прав заявителя.

Непроверяемый ответ, даже если он внешне выглядит убедительно, не может считаться надлежащим в пенитенциарной юридической помощи. В связи с этим предлагается закрепить правило, согласно которому любой ответ системы, содержащий правовое суждение, обязан сопровождаться как минимум указанием на применимые нормативные акты, а при наличии ссылок на судебные позиции – реквизитами таких актов и пояснением, какое значение они имеют для вывода. Иначе говоря, ответ должен быть не просто сформулирован, но и снабжен верификационным каркасом, позволяющим клиницисту или куратору быстро проверить его юридическую основу. Это и составляет содержание алгоритмической прозрачности как нормативного требования, а не факультативной технической опции.

Алгоритмическая прозрачность в рассматриваемой сфере не означает раскрытия исходного кода модели либо всех параметров ее обучения. В юридико-управленческом смысле под ней следует понимать доступность сведений о том, что в формировании ответа участвовала интеллектуальная система; какие источники были использованы системой или предоставлены ей; на каком функциональном контуре сработал алгоритм; какие автоматические проверки пройдены; кем и когда был верифицирован итоговый текст перед передачей заявителю. Предлагаемая модель прозрачности диалоговой системы в юридической клинике ФСИН России ориентирована не на узкий технический аудит, а на то, чтобы каждый ответ можно было проверить юридически и привязать к конкретной зоне ответственности. Важно не только увидеть, как работает алгоритм, но и понимать, кто отвечает за содержание ответа, за его проверку и за последствия использования этого ответа заявителем.

Дальнейший элемент концепции – многоуровневая система стандартов качества, привязанная к различным функциям диалоговой системы. Имеет смысл различать по крайней мере четыре контура: приемно навигационный, справочно поисковый, учебно симуляционный и консультационный. Для каждого контура уровень требований к полноте, точности и обязательности человеческой верификации должен быть разным: там, где система лишь направляет, допустим больший объем автоматизации; там, где она влияет на правовую позицию, стандарт должен быть гораздо жестче.

В приемно навигационном контуре система собирает первичные сведения, помогает уточнить

категорию обращения, определяет маршрут и сообщает заявителю базовые процедурные шаги. Здесь возможна высокая степень автоматизации, но стандарт точности по ключевым параметрам должен быть безусловным: речь идет о компетентном органе, канале обращения, сроках и перечне необходимых документов. Ошибка в этих сведениях может привести к пропуску сроков или неверному адресату и фактически лишить человека возможности реализовать право, поэтому ее нельзя считать мелкой погрешностью. Для этого контура разумно закрепить автоматическую проверку ответов на соответствие утвержденным шаблонам и актуальной нормативной базе, а при любом отклонении от шаблона – передачу ответа человеку для проверки.

В справочно поисковом контуре диалоговая система подбирает нормативные акты, выдержки из законодательства, ведомственные инструкции и, где это допустимо, судебные позиции. Здесь ключевыми становятся актуальность и корректность ссылок. Система должна не только находить релевантные документы, но и исключать из выдачи нормы, утратившие силу, отмененные акты или положения, неприменимые к конкретной ситуации. Поэтому элементом стандартной проверки должен быть автоматический контроль реквизитов и редакций, а в итоговом ответе – указание на источник, дату обращения к базе и предупреждение о том, что сложные вопросы требуют экспертной интерпретации.

Учебно симуляционный контур ориентирован на подготовку обучающихся клиницистов и допускает более широкий диапазон экспериментальных сценариев с участием ИИ. Однако это не отменяет требований к качеству. Напротив, здесь важно методически фиксировать типичные ошибки алгоритма: галлюцинации, ложную уверенность, логические провалы, неправильное толкование специальных норм. В этом контуре верификация выполняет не только контролирующую, но и обучающую функцию: она помогает формировать у будущих сотрудников УИС способность критически оценивать выводы диалоговой системы и не переносить машинный ответ в юридическую практику без проверки. Таким образом, стандарт качества здесь должен включать обязательную рефлекссию клинициста относительно того, какие элементы ответа являются надежными, какие требуют уточнения, и по каким признакам были выявлены потенциальные ошибки.

Наиболее жестким должен быть стандарт в консультационном контуре, где формируется ответ, способный повлиять на правовое поведение заявителя. В данной зоне недопустима передача текста, сгенерированного системой, без обяза-

тельной проверки человеком. Более того, следует закрепить презумпцию: консультационный ответ всегда считается результатом совместного, а не автономного действия системы и уполномоченного участника юридической клиники. Искусственный интеллект здесь выполняет функцию интеллектуального ассистента, но не субъекта окончательного консультирования. В противном случае будет нарушен принцип субсидиарности алгоритмических решений по отношению к человеческому консультированию [5].

Практическая демонстрация применения предлагаемых стандартов может быть представлена на модели диалогового помощника юридической клиники образовательной организации ФСИН России. Например, в случае, когда пользователь обращается с вопросом о порядке обжалования дисциплинарного взыскания, наложенного в исправительном учреждении, на начальном этапе система уточняет вид взыскания, дату его наложения, наличие ранее поданных жалоб и желаемую форму защиты. Сначала диалоговая система формирует проект ответа: указывает возможных адресатов обращения, опорные нормы и примерный порядок действий для заявителя. После подготовки текста автоматически проверяются актуальность упомянутых норм, наличие названных актов в действующей редакции, соответствие ответа допустимому шаблону для данного типа ситуации и отсутствие явно неподтвержденных утверждений.

Дальше в работу включается человек. Куратор или студент клиницист, в зависимости от категории риска, сверяет проект ответа с фактическими обстоятельствами дела, при необходимости уточняет формулировки и корректирует вывод. Только после этой проверки заявителю направляется итоговый ответ с явной маркировкой: «подготовлено с использованием интеллектуальной диалоговой системы и проверено сотрудником юридической клиники». В журнале фиксируются все этапы обработки: формирование проекта, автоматические проверки, человеческая верификация и отправка ответа.

В такой конфигурации именно совокупность шагов (автоматические проверки, человеческий пересмотр и журналирование) образует нормативно значимый верификационный контур. Он задает не только технологический, но и правовой каркас работы диалоговой системы. Предложенная система стандартов важна не только для локальных регламентов отдельных юридических клиник. Она может служить основой для будущих ведомственных актов ФСИН России, устанавливающих обязательные требования к использованию интеллектуальных диалоговых систем в юридической помощи и закрепляющих минимальный уровень

контроля качества ответов

Если ранее предметом регламентации могли выступать преимущественно цели, функции и допустимые модели использования цифровых решений, то теперь возникает необходимость отдельного ведомственного акта либо комплекса локальных положений, устанавливающих критерии качества, обязательность человеческой верификации, режим логирования, правила маркировки участия ИИ и порядок внутреннего аудита. В противном случае цифровизация юридической помощи остаётся либо декларативной, либо уязвимой в юридическом отношении.

Список литературы:

- [1] Шиняев К.А., Морозов А.С. Современные цифровые технологии в системе надзора следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // Вестник Самарского юридического института. 2025, № 4 (65). С. 62-66.
- [2] Денисенко О. И., Жаров И. С., Кадралеева Ж. А. Использование систем идентификации личности для обеспечения безопасности на режимных объектах уголовно-исполнительной системы // Вестник Самарского юридического института ФСИН России. 2024, № 4. С. 113-119.
- [3] Пекарева В.В., Фроловская Ю.И. Искусственный интеллект в уголовно-исполнительной системе // Право и государство: теория и практика. 2024, № 10. С. 329-331.
- [4] Зорина Н.С. О факторах и профилактике компьютерной зависимости у подростков // Евразийский юридический журнал. 2021. № 8(159). С. 198-199.
- [5] Зорина Н.С. Информационная безопасность подростков в Интернете как средство предупреждения преступности среди несовершеннолетних // Закон и право. 2022, № 2. С. 152-155.
- [6] Шульц Е.В. Возможности применения российского сервиса Гигачат для автоматизации деятельности сотрудников уголовно-исполнительных инспекций ФСИН России // Безопасность. Управление. Искусственный интеллект. 2026, Т. 2, № 2(2). С. 2-7.
- [7] Царькова Е.Г., Кочкина О.В. Применение искусственного интеллекта при обработке данных в научной и образовательной деятельности Федеральной службы исполнения наказаний // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2022, № 9(244). С. 51-59.
- [8] Минаев В.А., Бондарь К.М., Федорович В.Ю. Биометрия защиты объектов: возможности и перспективы // Информация и безопасность. 2025. Т. 28, № 1. С. 47-56.
- [9] Царькова Е.Г. К вопросу формирования

обучающих датасетов для выявления источников распространения экстремистского контента в сети Интернет // Научно-технический вестник Поволжья. 2024, № 3. С. 134-136.

[10] Пальянова Н.В. Использование искусственного интеллекта в сфере Legal Tech: современные возможности и перспективы // Социально-экономическое развитие и качество правовой среды: Труды VIII Моск. юрид. форума, XIX Междунар. науч.-прак. конф. Ч. 2. М.: МГЮА, 2021 С. 260-267.

[11] Понкин И.В. Государственное управление и регуляторное пространство в сфере искусственного интеллекта // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2022, № 11 (99). С. 108-116.

[12] Минбалеев А.В. Регулирование использования искусственного интеллекта в России // Информационное право. 2020, № 1. С. 36-39.

References:

[1] Shinyayev K.A., Morozov A.S. Modern digital technologies in the system of supervision of pre-trial detention centers of the penitentiary system of the Russian Federation // Bulletin of the Samara Law Institute. 2025, № 4 (65). S. 62-66.

[2] Denisenko O. I., Zharov I. S., Kadraleeva Zh. A. Use of personal identification systems to ensure security at secure facilities of the penitentiary system // Bulletin of the Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. 2024, № 4. S. 113-119.

[3] Pekareva V.V., Frolovskaya Yu.I. Artificial intelligence in the penal system // Law and the state: theory and practice. 2024, № 10. S. 329-331.

[4] Zorina N.S. On factors and prevention of computer addiction in adolescents // Eurasian Law Journal. 2021. № 8(159). S. 198-199.

[5] Zorina N.S. Information security of adolescents on the Internet as a means of preventing juvenile crime // Law and law. 2022, № 2. S. 152-155.

[6] Schulz E.V. The possibilities of using the Russian Gigachat service to automate the activities of employees of the criminal executive inspections of the Federal Penitentiary Service of Russia // Security. Management. Artificial intelligence. 2026, VOL. 2, NO. 2 (2). S. 2-7.

[7] Tsarkova E.G., Kochkina O.V. The use of artificial intelligence in data processing in the scientific and educational activities of the Federal Penitentiary Service // Vedomosti of the penitentiary system. 2022, № 9(244). S. 51-59.

[8] Minaev V.A., Bondar K.M., Fedorovich V.Yu. Biometrics of object protection: opportunities and prospects // Information and security. 2025. T. 28, NO. 1. S. 47-56.

[9] Tsarkova E.G. On the formation of training datasets to identify sources of distribution of extremist content on the Internet // Scientific and Technical Bulletin of the Volga Region. 2024, № 3. S. 134-136.

[10] N.V. Palyanova. The use of artificial intelligence in the field of Legal Tech: modern opportunities and prospects // Socio-economic development and quality of the legal environment: Proceedings VIII Mosk. jurid. forum, XIX International. scientific-practical. conf. PART 2. M.: MOSCOW STATE LAW ACADEMY, 2021 S. 260-267.

[11] Ponkin I.V. Public administration and regulatory space in the field of artificial intelligence // Bulletin of the University named after O.E. Kutafina (MSLA). 2022, № 11 (99). S. 108-116.

[12] Minbaleev A.V. Regulation of the use of artificial intelligence in Russia // Information law. 2020, № 1. S. 36-39.

